Книга II

Цена чужой памяти

ФЭНТЕЗИ · ДЕТЕКТИВ · ДРАМА

Сага "ХРОНИКИ ТОНКОЙ ГРАНИ"

Милена Харламова

Цена чужой памяти

«Автор»
2026

Харламова М. А.

Цена чужой памяти / М. А. Харламова — «Автор», 2026 — (Сага "ХРОНИКИ ТОНКОЙ ГРАНИ")

Сага "ХРОНИКИ ТОНКОЙ ГРАНИ"Что, если твои воспоминания — не вся правда? Если прошлое можно переписать, память изменить, а реальность заставить выглядеть совсем иначе?Всё начинается с загадочного Дома, которого нет на городских картах. Мильхара переступает его порог и оказывается втянута в цепь мистических событий, ведущих к тайным архивам, забытым историям и Палимпсесту — системе, способной влиять на человеческую память и восприятие мира.Постепенно открывается пугающая истина: тот, кто контролирует информацию, может управлять тем, во что верят люди, что помнят и какие решения принимают.Пять книг, полных загадок, неожиданных открытий, магии и опасных выборов, проведут вас по тонкой грани между правдой и иллюзией.Это история о тайнах, которые лучше не знать, и истине, за которую придётся бороться. О свободе мысли, силе выбора и праве каждого человека самому определять свою жизнь.А если реальность не такая, какой ты её помнишь, готов ли ты узнать правду?

© Харламова М. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. То, что осталось после тишины 5
Глава 1. Архив после нападения 8
Глава 2. Человек с двумя историями 17
Глава 3. Правило трёх подтверждений 24
Практика 2.1.3 --- Три независимых подтверждения 31
Глава 4. Закрытая комната 32
Глава 5. Первый урок контроля 39
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Милена Харламова
Цена чужой памяти

Пролог. То, что осталось после тишины

Весна на улице Семи Ключей постепенно уступала место лету.

Дом больше не казался чужим тем, кто приходил сюда за помощью. В его комнатах работали хранители, разбирали старые документы, обсуждали спорные случаи и учились признавать, что не на каждый вопрос существует готовый ответ.

На столе в комнате памяти по-прежнему лежала фотография с формулой:

«Память Испытание Память».

Под ней оставалась приписка:

«А потом — жизнь».

Мильхара иногда задерживала на ней взгляд, когда работа начинала казаться бесконечной. В этих словах было напоминание о том, ради чего они вообще пытались разобраться в прошлом: не ради самого знания, не ради власти над воспоминаниями и даже не ради восста-

новления каждой утраченной подробности. Всё это имело смысл лишь до тех пор, пока помогало людям жить дальше.

Случай с девушкой и коробкой они зарегистрировали отдельно. Обстоятельства её появления, слова девушки и всё, что удалось наблюдать, внесли в журнал. Коробку не стали объявлять ни угрозой, ни посланием. Для этого не хватало сведений.

Мильхара понимала, что неизвестность не становится менее настоящей оттого, что её не удалось объяснить. Но теперь она знала и другое: неизвестность не даёт права придумывать объяснение за других.

Работа продолжалась.

Арден помогал новым хранителям осваивать правила безопасного исследования памяти. Демьян занимался проходами и проверкой документов, Марфа разбирала материалы прежнего Совета. Каждый из них по-своему учился жить после событий, которые нельзя было просто отменить.

Падение Совета Безмолвия не вернуло людям всё, что они потеряли. Оно не восстановило автоматически стёртые сведения, не устранило противоречия и не сделало прежние ошибки невозможными.

Оно лишь изменило правила.

Теперь никто не должен был вмешиваться в чужую память без объяснения процедуры и согласия человека. Теперь архивные записи следовало проверять, а не принимать на веру только потому, что они хранились за закрытой дверью. Теперь даже тот, кто обладал знаниями и опытом, обязан был признавать пределы собственного понимания.

На первый взгляд это делало работу медленнее.

На деле иначе было нельзя.

Когда наступило лето, старый архив начали открывать для полной проверки.

Работа оказалась сложнее, чем предполагали. Документы хранились в разных помещениях, некоторые дела были разделены между несколькими хранилищами, а часть регистрационных книг не удавалось сразу сопоставить с сохранившимися материалами.

В прежние времена такие несоответствия редко становились поводом для долгого расследования. Достаточно было решения уполномоченного хранителя, чтобы одна запись получила преимущество перед другой. Если документ считался официальным, его содержание нередко принимали за окончательную истину.

Теперь этот порядок больше не действовал.

Каждое вмешательство в память требовало проверки. Каждое спорное свидетельство — отдельного рассмотрения. Каждое решение должно было оставлять достаточно сведений, чтобы другой исследователь мог понять, на чём оно основано.

Мильхара быстро обнаружила, что соблюдать эти правила труднее, чем соглашаться с ними.

Когда документы противоречили друг другу, ей хотелось найти связь сразу. Когда чьё-то воспоминание казалось убедительным, она невольно искала подтверждение. А когда обнаруживалась странная деталь, знакомая по прежним событиям, воображение начинало выстраивать объяснение раньше, чем появлялись доказательства.

Арден напоминал ей, что способность замечать связи ещё не означает способности безошибочно понимать их.

Демьян требовал проверять происхождение каждого документа.

Марфа не позволяла сходству старых обозначений превращаться в утверждение, пока не находилось подтверждения.

Постепенно Мильхара привыкала к тому, что исследование не всегда начинается с открытия. Иногда оно начинается с аккуратно записанного вопроса.

Именно такой вопрос однажды утром появился на её столе.

Пока это была лишь одна из многих папок, ожидавших проверки. Впереди лежали десятки других дел, и никто не мог знать, какое из них окажется важным. Но правила оставались одинаковыми для всех: сначала установить обстоятельства, затем сопоставить сведения и только после этого делать выводы.

Мильхара открыла папку.

За окном город жил своей обычной жизнью. Люди спешили по улицам, открывали магазины, спорили, мирились и возвращались домой. Для большинства из них прошлое оставалось чем-то завершённым — тем, что можно вспоминать, забывать или не обсуждать вовсе.

В архиве всё было иначе.

Здесь прошлое продолжало существовать в свидетельствах, бумагах и противоречиях. И никто больше не имел права объявлять одну версию единственно допустимой лишь потому, что остальные было неудобно проверять.

Мильхара взяла чистую карточку и приготовилась записать первое наблюдение.

Она ещё не знала, к чему приведёт эта работа. Не знала, удастся ли восстановить утраченную последовательность событий и найдётся ли объяснение каждому несоответствию.

Но она больше не считала неизвестность поводом торопиться.

Сначала — факты.

Потом — связи.

И только после этого — вывод.

Так начиналась новая работа архива.

И так начиналась история о том, что может сохраниться после падения системы, которая когда-то считала себя вправе распоряжаться чужой памятью.

Глава 1. Архив после нападения

Первое, что изменилось после падения Совета Безмолвия, — тишина перестала казаться безопасной.

Раньше она означала, что никто не задаёт лишних вопросов. Что записи лежат в положенных ящиках, чужие признания не выходят за пределы закрытых комнат, а люди, приходящие в архив, знают, о чём следует молчать. Тишина была частью порядка: такой же привычной, как замки на дверях и тонкие серые линии, которыми отмечали документы, не предназначенные для посторонних глаз.

Теперь тишина стала другой.

В ней оставалось слишком много вопросов.

Прошло несколько месяцев с тех пор, как был заключён новый договор, установивший правила работы с памятью и ограничивший полномочия тех, кто прежде мог распоряжаться чужими воспоминаниями почти без контроля. Архив постепенно возвращался к жизни. Старые помещения открывали одно за другим, документы переносили в независимые хранилища, а каждую запись, связанную с вмешательством в память, предстояло проверить.

Работа шла медленно.

Именно это больше всего раздражало Демьяна Юбкова.

— Если мы будем продолжать в таком темпе, — произнёс он однажды утром, раскладывая на длинном столе очередную стопку бумаг, — к тому времени, когда проверим последние записи, у них успеют состариться чернила.

— Чернила пережили Совет, — отозвалась Марфа Рукавишникова, не отрываясь от реестра. — Думаю, они переживут и нас.

— Утешительная перспектива.

— Я стараюсь.

Мильхара сидела у окна, перебирая карточки с описаниями архивных дел. Она подняла глаза на спорящих.

— А если мы перестанем проверять бумаги по одной и начнём искать повторяющиеся признаки?

— Мы этим и занимаемся, — ответил Демьян.

— Нет. Мы ищем повторяющиеся признаки в документах, которые уже считаем связанными. А если связь проходит между делами, которые никто не догадался положить рядом?

Демьян остановился с листом в руке.

Марфа медленно подняла голову.

— Это возможно, — сказала она.

— Ты говоришь так, будто тебе не нравится, что я это заметила.

— Мне не нравится, что ты заметила это раньше, чем я успела проверить.

— Значит, всё-таки нравится.

— Не злоупотребляй.

Мильхара улыбнулась, но улыбка быстро исчезла. За последние недели она научилась различать несколько видов беспокойства: собственное, чужое и то, которое возникало, когда привычная картина мира начинала расходиться по швам. Последнее было самым неприятным. Оно не имело ни определённой причины, ни ясного направления. Просто в какой-то момент знакомые вещи переставали совпадать.

Она посмотрела на карточки.

После заключения нового договора Мильхара старалась не воспринимать каждый странный случай как след магии. Арден настоял на этом почти сразу. Способность замечать связи между воспоминаниями не означала, что любая необычная деталь была следствием вмешательства. Иногда человек ошибался. Иногда документы противоречили друг другу потому, что их составляли разные люди. Иногда правду скрывали намеренно, а иногда никто не знал её целиком.

Самое опасное начиналось там, где предположение принимали за доказательство.

Мильхара уже знала эту разницу. По крайней мере, знала умом.

На практике ей по-прежнему хотелось сразу найти ответ.

В дверь постучали.

Не робко и не настойчиво — три коротких удара, после которых человек за дверью замер, словно не был уверен, что имеет право войти.

Демьян положил лист на стол.

— Входите.

Дверь открылась. На пороге стоял мужчина средних лет в тёмном пальто. Он держал в руке сложенную бумагу, но не смотрел на неё. Его взгляд скользнул по столам, шкафам и окну, задержался на Марфе и остановился на Мильхаре.

— Мне сказали, здесь занимаются случаями… — Он запнулся. — Случаями, когда память не совпадает с документами.

— Иногда, — ответила Мильхара. — Что случилось?

Мужчина вошёл, но дверь за собой не закрыл. Несколько секунд он молчал, словно собирался с мыслями.

— Я помню разговор, которого не было.

Демьян обменялся взглядом с Марфой.

— Вы уверены, что разговора не было? — спросил он.

— Нет. В этом и проблема.

Мужчина наконец посмотрел на сложенную бумагу в своей руке и развернул её.

— Я помню, что приходил сюда. Не в эту комнату, а в старый архив, ещё до того, как его закрыли. Мне сказали, что документы по делу моей сестры можно будет получить после проверки. Я разговаривал с человеком за столом. Он объяснил, что некоторые записи временно недоступны, и предложил прийти через неделю.

— Когда это было? — спросила Марфа.

— Три года назад. Возможно, чуть больше.

— Вы сохранили приглашение или пропуск?

— Ничего такого мне не выдавали. Но я помню разговор. Помню комнату, стол, окно с трещиной в нижнем углу. Помню, что на столе стояла чашка с отколотой ручкой. И помню, что человек сказал: «Если вы будете настаивать, вы потеряете больше, чем найдёте».

Последние слова он произнёс почти шёпотом.

Мильхара почувствовала, как её внимание непроизвольно сосредоточилось на этих словах. Не на магическом следе — она ещё ничего не пыталась воспринимать, — а на том, как мужчина их произнёс. Он не вспоминал фразу, подбирая выражение. Он словно снова слышал её.

— Вы рассказывали об этом кому-нибудь раньше? — спросил Демьян.

— Жене. Она сказала, что я, вероятно, перепутал архив с другим местом. Я пытался проверить даты, но ничего не нашёл. Потом запросил документы по делу сестры. В ответ получил копию официальной записи: в тот период я не посещал архив и ни с кем из сотрудников не встречался.

— А сестра? — спросила Мильхара.

Мужчина сжал бумагу.

— Она исчезла из моей жизни задолго до этого. Не физически. Она жива. Но после одного события перестала говорить о части нашего детства. Иногда она утверждает, что не помнит определённых вещей. Иногда говорит, что помнит их прекрасно, но не хочет обсуждать. Я не знаю, что из этого правда.

— Как вас зовут? — спросила Марфа.

— Павел. Павел Андреевич. Я принёс копию ответа архива и свои записи. Я понимаю, что это не доказательство. Но если я всё придумал, я хочу знать почему. А если не придумал…

Он не закончил.

— Тогда мы постараемся выяснить, что произошло, — сказала Мильхара.

Демьян бросил на неё быстрый взгляд. Он не возразил, но она поняла его без слов: обещать результат было рано.

— Сначала нам нужно разделить то, что вы помните, и то, что можете подтвердить, — сказал он Павлу. — Это не означает, что мы считаем вас ненадёжным свидетелем. Наоборот. Мы не хотим, чтобы одна часть вашей истории незаметно повлияла на другую.

— Хорошо.

— И ещё одно. Мы не будем исследовать вашу память магическим способом без отдельного объяснения процедуры и вашего согласия.

Павел посмотрел на него с недоверием, которое было слишком привычным для человека, пришедшего в архив после падения Совета.

— А если я соглашусь?

— Тогда сначала объясним, что именно собираемся делать, какие существуют риски и чего мы не сможем узнать даже после исследования.

— А если я не соглашусь?

— Тогда будем работать с документами и свидетельствами.

Павел впервые за всё время немного расслабил плечи.

— Я согласен на документы. Насчёт остального… пока не знаю.

— Этого достаточно, — ответила Мильхара.

Она предложила ему сесть. Марфа принесла чистый лист и записала дату обращения. Демьян подготовил отдельную папку, не смешивая её с уже существующими делами.

Они начали с простого.

Павел Андреевич назвал примерное время предполагаемого посещения, описал старое помещение, вспомнил расположение окон и дверей. Он не мог назвать сотрудника, с которым разговаривал. Лицо в воспоминании оставалось нечётким, хотя голос он помнил отчётливо. По его словам, собеседник говорил спокойно, без угроз и раздражения. Именно поэтому фраза о потере показалась Павлу особенно страшной: она прозвучала не как предупреждение, а как объяснение заранее принятого решения.

— Вы помните, почему пришли именно тогда? — спросила Мильхара.

— Получил письмо. Мне сообщили, что часть материалов по делу сестры будет доступна после дополнительной проверки. Я хотел узнать, что именно проверяют.

— Письмо сохранилось?

— Да.

Он достал из папки ещё один лист — копию уведомления с датой и регистрационным номером. Бумага была аккуратно сложена, края немного потемнели от времени.

Марфа наклонилась к документу, не касаясь его.

— Это действительно старый бланк архива, — сказала она. — По крайней мере, внешне. Но нам нужно проверить номер и подпись.

— Вы можете сделать копию? — спросил Павел.

— Только с вашего разрешения, — ответил Демьян. — Оригинал останется у вас.

Павел кивнул.

Пока Марфа готовила копию, Демьян изучал официальный ответ, принесённый посетителем. В нём утверждалось, что Павел Андреевич не проходил регистрацию в архиве в указанный период, а также что никаких встреч по делу его сестры не проводилось. Формулировка была категоричной. Не «запись о посещении не обнаружена», а «посещение не осуществлялось».

— Они не просто не нашли запись, — заметил Демьян. — Они утверждают, что события не было.

— Разница существенная? — спросил Павел.

— Для расследования — да. Отсутствие записи не доказывает отсутствия события. А категорическое утверждение должно на чём-то основываться.

— Значит, они могли знать?

— Пока мы знаем только, что формулировка сильнее, чем позволяют предъявленные нам материалы.

Мильхара следила за разговором. Она старалась не искать в словах Павла скрытую магию, не прислушиваться к каждому эмоциональному всплеску. Арден называл это «не позволять собственному ожиданию отвечать вместо мира». Мильхара считала выражение раздражающе точным.

Когда Павел ушёл, договорившись вернуться через два дня, комната на несколько минут погрузилась в рабочую тишину.

— Обычная ошибка памяти всё ещё возможна, — сказал Демьян.

— Конечно, — ответила Марфа.

— Но официальный ответ вызывает вопросы.

— Да.

— И ты узнала бланк.

— Я сказала, что он похож на старый.

— Марфа.

Она подняла глаза.

— Я не буду утверждать, что документ подлинный, пока не проверю номер. И не буду утверждать, что он поддельный только потому, что мне не нравится его содержание.

Демьян некоторое время смотрел на неё, затем кивнул.

— Хорошо. Проверяй.

Мильхара разложила копии на столе.

— Нам нужно найти исходный журнал посещений.

— И журнал выдачи документов, — добавил Демьян. — Если Павел действительно приходил, след мог остаться не там, где мы ожидаем.

— А если его намеренно удалили?

— Тогда отсутствие записи будет только одной из улик. Не доказательством само по себе.

Мильхара вздохнула.

— Ты когда-нибудь устаёшь от того, что всё требует ещё одного подтверждения?

— Постоянно.

— И всё равно продолжаешь?

— Потому что альтернатива — объявлять виновным первого, кто показался подозрительным.

Марфа молча взяла копию уведомления и ушла к шкафам с регистрационными книгами.

В этот момент Мильхара впервые заметила на нижнем краю официального ответа тонкий серый след. Он выглядел как обычный дефект копирования: короткая линия, едва заметная под печатным текстом. Она наклонила лист к свету.

Линия не исчезла.

— Демьян, посмотри.

Он подошёл ближе.

— Что именно?

— Здесь что-то есть.

Он осторожно повернул бумагу, затем достал лупу. Под серым следом обнаружились ещё две короткие черты. Все три были расположены рядом, но не параллельно. Они словно обрывались у невидимой границы.

— Похоже на техническую отметку, — сказал Демьян.

— Или на дефект копирования.

— Да. Поэтому мы не будем пока называть её знаком.

Он записал расположение отметки и номер документа.

Мильхара посмотрела на соседнюю папку. В ней лежала копия другого дела — не связанного с Павлом, не относящегося к исчезновению его сестры. Документ был получен из другого хранилища и проверялся по отдельной процедуре. На нижнем поле одной из страниц она увидела похожую серую линию.

— Подожди.

Она положила листы рядом.

На первом документе три короткие черты находились внутри едва заметного незамкнутого прямоугольника. На втором прямоугольник был почти стёрт, но три черты повторялись в том же порядке.

Демьян перестал записывать.

— Откуда эта копия?

— Из дела о временном ограничении доступа к воспоминаниям, — ответила Мильхара. — Мы проверяли его на прошлой неделе. Там нет ничего о Павле и его сестре.

— Кто делал копию?

— Архивная группа. Документ поступил из другого хранилища.

Демьян снова посмотрел на отметки.

— Значит, у нас два документа из разных дел и два независимых источника копирования.

— Но это ещё не означает, что отметка имеет отношение к вмешательству в память, — сказала Мильхара.

— Не означает, — согласился он. — Однако совпадение нужно объяснить.

Он проверил регистрационные номера, сверил даты получения копий и записал, где хранились оригиналы. Затем попросил Мильхару не складывать листы вместе, пока они не зафиксируют их первоначальное положение и не сделают отдельные снимки.

— Ты думаешь, кто-то мог перенести отметку с одного документа на другой? — спросила она.

— Я думаю, что пока мы не знаем, что она означает. И если мы хотим выяснить это, нельзя обращаться с бумагами так, будто ответ уже найден.

Он произнёс это без упрёка. От этого слова подействовали сильнее.

Мильхара отодвинулась от стола.

— Хорошо. Фиксируем всё отдельно.

Они работали ещё два часа. Проверили происхождение обеих копий, записали номера дел, составили перечень документов, с которыми отметку можно было сравнить. В старом журнале регистрации обнаружились несколько похожих технических обозначений, но ни одно не совпадало полностью. Одни использовались для указания на повреждённые страницы, другие — для повторного копирования, третьи могли означать, что документ прошёл дополнительную проверку.

Ни одна запись не объясняла трёх коротких черт в незамкнутом прямоугольнике.

Когда Марфа вернулась, она принесла регистрационную книгу и положила её на свободное место.

— Номер уведомления Павла существует, — сказала она. — Но в журнале он относится к другому документу. Здесь зарегистрирован запрос на выдачу копии, а не уведомление о назначенной встрече.

— Значит, письмо могло быть поддельным? — спросила Мильхара.

— Могло. Или номер использовали повторно. Или в журнале есть ошибка. Я не исключаю ни одной версии.

— А подпись?

— Её нужно сравнить с образцами того периода. Я уже запросила доступ к ним.

Демьян указал на отметки.

— Мы нашли похожую техническую деталь ещё в одном деле.

Марфа наклонилась над столом. Увидев прямоугольник и три черты, она не сразу что-то сказала. Её лицо осталось почти неподвижным, но пальцы, лежавшие на краю регистрационной книги, медленно сжались.

— Ты знаешь, что это? — спросила Мильхара.

Марфа не ответила сразу.

— Я видела похожую отметку в закрытых материалах Совета.

— В каких именно?

— В документах, которые не входили в обычный архивный оборот. Там отмечали дела, связанные с ограничением доступа к отдельным фрагментам памяти.

Демьян выпрямился.

— Ты уверена?

— Нет. Я уверена, что видела похожую отметку. Я не уверена, что эта означает то же самое.

— Почему ты не сказала об этом раньше?

Марфа посмотрела на него.

— Потому что раньше у нас не было этой отметки. А сейчас я не хочу выдавать сходство за тождество.

Демьян отвёл взгляд к бумагам.

— Хорошо. Тогда нам нужен закрытый реестр.

— Он не сохранился целиком, — сказала Марфа. — Часть материалов передали на проверку, часть обнаружили уже после падения Совета. Некоторые записи не имеют исходных номеров.

— Значит, будем искать то, что сохранилось.

— Да.

Мильхара почувствовала, как внутри нарастает знакомое нетерпение. Ей хотелось немедленно увидеть тот реестр, найти в нём отметку и получить подтверждение, что все эти детали связаны. Но именно такого решения Арден от неё и не хотел: она уже знала, как легко ожидание превращает отдельные совпадения в одну убедительную, но, возможно, ложную историю.

Она посмотрела на два документа.

Они были разными. Пришли из разных хранилищ. Относились к разным людям и разным делам. Но техническая отметка на них совпадала слишком точно, чтобы оставить её без внимания.

— Если отметка действительно связана с ограничением доступа к памяти, — сказала Мильхара, — кто-то мог использовать старую процедуру после заключения нового договора.

— Или кто-то продолжает пользоваться старой системой маркировки по другой причине, — ответил Демьян.

— Ты всегда выбираешь самую скучную версию.

— Я выбираю ту, которую ещё можно проверить.

— А если она окажется правдой?

— Тогда нам будет проще доказать это.

Марфа закрыла регистрационную книгу.

— Есть ещё одна проблема. Если отметка принадлежит старой системе, мы должны выяснить не только, кто её поставил, но и на каком этапе. Её могли нанести при создании документа, при копировании, при хранении или при последующей проверке.

— То есть она может указывать не на того, кто вмешивался в память, а на того, кто обрабатывал бумагу, — сказала Мильхара.

— Именно.

Демьян собрал копии в отдельную папку и закрыл её.

— До получения дополнительных данных мы не связываем Павла с делом о временном ограничении доступа. Это два самостоятельных дела. Мы фиксируем совпадение отметки, проверяем происхождение документов и ищем независимые подтверждения.

— А Павлу что скажем? — спросила Мильхара.

— Что его обращение принято и проверка продолжается. Не обещаем ему ответ, которого у нас пока нет.

— Он пришёл сюда, потому что боится, что ему изменили память.

— Тогда тем более мы не должны подтверждать его страх только потому, что нашли странную отметку на бумаге.

Мильхара не ответила.

Вечером, когда архив почти опустел, она осталась у окна. В стекле отражались полки, столы и узкая полоса света от настольной лампы. Раньше ей казалось, что память похожа на комнату, где можно открыть ящик и увидеть, что в нём лежит. Теперь она понимала: иногда ящик был пуст не потому, что содержимое исчезло. Иногда человек не знал, существовал ли он вообще. А иногда воспоминание оставалось на месте, но путь к нему становился другим.

Она не пыталась коснуться собственной памяти магически. Не искала скрытых связей. Просто перебирала известные факты.

Павел помнил разговор.

Документ утверждал, что встречи не было.

Номер уведомления существовал, но был зарегистрирован иначе.

Два независимых дела содержали одинаковую техническую отметку.

Марфа узнала её сходство с обозначениями из закрытых материалов Совета.

Ни один из этих фактов сам по себе не доказывал, что кто-то продолжает вмешиваться в память. Вместе они требовали расследования.

Мильхара достала чистую карточку и написала на ней:

«Не считать совпадение доказательством. Не считать отсутствие записи доказательством отсутствия события. Проверить происхождение каждого документа отдельно».

Она перечитала написанное и добавила ниже:

«Не вмешиваться в память, пока не установлены обстоятельства и не получено согласие».

Карточку она положила в папку нового дела.

За дверью послышались шаги. В комнату вошёл Арден. Он снял перчатки, положил их на стол и сразу заметил папку.

— Новое обращение?

— Да. И, возможно, след старой процедуры.

— Возможно?

— Пока только возможно.

Арден посмотрел на неё внимательнее.

— Кто-то научил тебя не торопиться?

— Кто-то очень настойчиво запрещает мне торопиться.

— Значит, урок приносит пользу.

Мильхара рассказала ему о Павле, документах и совпадающей отметке. Арден не перебивал. Когда она закончила, он попросил показать обе копии, изучил их и вернул на стол.

— Что ты собираешься делать дальше?

— Проверить происхождение отметки. Найти старый реестр, сравнить его с сохранившимися документами и выяснить, можно ли установить, на каком этапе она появилась.

— Хорошо. А что ты думаешь об истории Павла?

— Что он действительно помнит этот разговор. Но пока я не могу сказать, происходил ли он в действительности.

— И что ты думаешь о Совете?

Мильхара посмотрела на него.

— Что Совет официально пал. Но если его методы продолжают использоваться, падение учреждения ещё не означает исчезновения системы.

Арден медленно кивнул.

— Это разумная гипотеза. Не вывод.

— Я знаю.

— Тогда запомни: прежняя система могла пережить своих руководителей. Она могла сохраниться в инструкциях, привычках, неразобранных хранилищах и людях, которые до сих пор считают её правила необходимыми. Но не всякая старая отметка означает продолжение прежней практики. Мы должны установить, что именно перед нами.

— А если кто-то действительно продолжает вмешиваться?

— Тогда мы должны остановить его. Но не ценой ещё одной ошибки, которую потом придётся исправлять в чужой памяти.

Он направился к выходу, но у двери остановился.

— И ещё, Мильхара. Не пытайся стать быстрее самого расследования.

— А если расследование окажется быстрее меня?

— Тогда тебе придётся научиться идти за ним, не теряя способности думать.

Когда дверь закрылась, Мильхара снова посмотрела на папку.

На её обложке пока не было названия. Только дата, номер регистрации и короткая запись: «Несовпадение свидетельства и архивных данных».

Она подумала, что это слишком скучно для дела, которое могло оказаться важным.

Потом вспомнила слова Демьяна и оставила название без изменений.

За пределами архива город жил обычной жизнью. Люди возвращались домой, покупали хлеб, спорили о мелочах, забывали обещания и вспоминали давние обиды. Никто из них не знал, что в одной из комнат снова начали сравнивать старые записи, пытаясь понять, почему прошлое оставляет одинаковые следы в историях, которые никогда не должны были пересекаться.

Мильхара закрыла папку.

Расследование только начиналось.

И впервые после заключения нового договора она подумала не о том, что осталось от Совета Безмолвия, а о том, что могло продолжать жить без него.

Глава 2. Человек с двумя историями

На следующее утро Демьян пришёл в архив раньше остальных.

Он принёс с собой две папки, несколько листов с выписками и чашку кофе, которую поставил на самый дальний край стола, подальше от документов. В первой папке лежали материалы по обращению Павла Андреевича. Во второй — сведения о других случаях, когда семейные воспоминания не совпадали с официальными записями. Таких дел оказалось меньше, чем он ожидал, но достаточно, чтобы понять: архивная ошибка не всегда оставалась единичной.

Он не стал объединять дела. Вместо этого разложил их по отдельным группам и составил таблицу: дата события, дата первой записи, источник сведений, происхождение копии, обнаруженные противоречия.

Работа была скучной, кропотливой и почти не давала ощущения продвижения. Но к полудню Демьян обнаружил одну закономерность.

В нескольких делах запись о событии существовала, а запись о человеке, который должен был его подтвердить, отсутствовала. В других случаях человек значился в реестре, но его подпись не совпадала с подписью на сопутствующих документах. Ещё в двух делах даты были

исправлены, причём исправления выглядели настолько аккуратно, что могли быть приняты за первоначальную запись.

Ни один из этих случаев не доказывал вмешательства в память. Все они могли объясняться небрежностью, ошибками переписчиков или неправильной передачей архивов после падения Совета.

Но теперь Демьян искал не отдельную ошибку. Он искал способ, которым ошибки могли образовать систему.

— Ты собираешься провести здесь весь день? — спросила Мильхара, входя в комнату.

— Если ты принесла мне обед, то да.

— Я принесла вопрос.

— Тогда, вероятно, до вечера.

Она положила на стол записную книжку.

— Я хочу увидеть записи Павла до того, как он придёт снова. Не только документы, но и то, что он сам записал о разговоре.

— Зачем?

— Чтобы понять, меняется ли его рассказ.

Демьян отложил перо.

— Ты думаешь, что он врёт?

— Нет. Я думаю, что воспоминание может меняться, когда человек пытается его восстановить. Если он каждый раз дополняет картину новыми подробностями, это не обязательно означает обман. Но нам важно понять, какие детали он помнил изначально, а какие появились позже.

— Хорошо. Только не превращай последовательность рассказа в проверку на правдивость. Человек может вспоминать хаотично и при этом говорить правду.

— Знаю.

— Ты сегодня часто говоришь, что знаешь.

— Потому что ты сегодня часто напоминаешь мне то, что я уже знаю.

— Значит, мы оба работаем над собой.

Мильхара села напротив и открыла записную книжку Павла. В ней были перечислены даты запросов, номера документов, имена сотрудников, с которыми он разговаривал по другим вопросам, и несколько коротких записей о предполагаемой встрече. Они были сделаны в разное время. Самая ранняя содержала всего одну фразу: «Сказали, что пока нельзя. Приходить через неделю».

На другой странице Павел уточнил: «В комнате с треснувшим окном. Мужчина за столом. Говорил о деле сестры».

Ещё позднее появилась запись о чашке с отколотой ручкой и фразе о том, что он потеряет больше, чем найдёт.

— Подробности добавлялись постепенно, — сказала Мильхара.

— Или он записывал их не сразу, — ответил Демьян. — Это разные вещи.

— Да. Но фраза о потере появилась только через несколько месяцев после первой записи.

— Ты спросишь его, когда именно он впервые вспомнил её.

— И не буду подсказывать ответ.

Демьян одобрительно кивнул.

Они работали ещё около часа, когда в архив пришла Марфа. Она принесла сведения о старом регистрационном бланке и сообщила, что подпись на уведомлении пока не удалось подтвердить. Образцы за нужный период сохранились не полностью.

— Но есть ещё кое-что, — сказала она. — В старом реестре упоминается помещение, в котором могли проводить закрытые встречи. Номер комнаты не указан. Только обозначение сектора и отметка о временном ограничении доступа.

— Это тот же сектор, где хранились документы о вмешательствах в память? — спросила Мильхара.

— Частично. Но сектор использовали для нескольких типов дел. По одному обозначению нельзя определить назначение конкретной встречи.

— Мы сможем попасть туда?

— В само помещение — пока не знаю. Часть старых комнат уже обследовали, часть закрыли из-за повреждений. Я запросила план здания и журнал передачи ключей.

Демьян посмотрел на неё.

— Ты сама решила сообщить нам об этом?

— Да.

Он ничего не ответил, но Мильхара заметила, что его лицо стало чуть менее напряжённым.

Марфа уже не пыталась оправдывать каждую неточность и не прятала документы за формулировками о служебной необходимости. Однако доверие не возвращалось от одного правильного поступка. Демьян по-прежнему проверял каждое её утверждение, а Марфа принимала это сдержанно, хотя иногда в её взгляде появлялась усталость.

— Павел придёт после полудня, — сказала Мильхара. — Нам нужно подготовить вопросы.

— Я буду присутствовать? — спросила Марфа.

— Если он не возражает.

— Тогда я подожду его согласия.

В этот раз Павел Андреевич пришёл точно в назначенное время. Он выглядел уставшим, но держался спокойнее, чем накануне. В руках у него была небольшая папка с копиями семейных писем.

— Я подумал, что они могут пригодиться, — сказал он. — Там есть несколько вещей, которые я не могу объяснить.

— Мы посмотрим их, — ответил Демьян. — Сначала хотим уточнить несколько обстоятельств. Если какой-то вопрос покажется вам слишком личным, вы можете не отвечать.

Павел кивнул.

Мильхара начала с самого простого: попросила рассказать о предполагаемой встрече так, как он помнил её сейчас, не заглядывая в записи.

Павел закрыл глаза на несколько секунд.

— Я пришёл в архив после получения письма. Было холодно. В коридоре пахло мокрой одеждой и пылью. Я помню, что долго ждал. Потом меня пригласили в комнату. Там был мужчина. Не старый, но и не молодой. Тёмные волосы, кажется, с проседью. Он сидел за столом и просматривал бумаги.

— Вы помните его лицо? — спросил Демьян.

— Не целиком. Когда пытаюсь представить, лицо словно распадается на отдельные детали. Но я помню голос.

— Вы узнали бы его, если бы услышали снова?

Павел задумался.

— Не уверен.

— Хорошо. Не нужно пытаться угадать.

Мильхара задавала вопросы о последовательности событий. Павел рассказал, что мужчина сначала объяснил задержку с выдачей документов, затем сказал, что дело требует дополнительной проверки. Только после этого прозвучала фраза о потере.

— Вы помните, что ответили? — спросила она.

— Кажется, спросил, что именно я могу потерять.

— А что он ответил?

Павел нахмурился.

— Не помню. Возможно, ничего. Может быть, он просто посмотрел на меня, а потом перевёл разговор на другое.

— Вы помните, как закончилась встреча?

— Да. Он сказал прийти через неделю. Я вышел в коридор и долго не мог найти лестницу.

Демьян поднял глаза.

— Не могли найти лестницу?

— Это странно, я понимаю. Я был в здании раньше. Знал, где находится выход. Но тогда коридор казался другим. Я прошёл мимо одной двери, потом вернулся. В конце концов нашёл лестницу.

— Вы связываете это с разговором?

— Не знаю. Я тогда был зол и испуган. Возможно, просто не обратил внимания на дорогу.

Мильхара записала ответ, не комментируя его.

Затем она спросила, когда Павел впервые вспомнил фразу о потере.

— Я не могу назвать точную дату. Она вернулась ко мне, когда я получил официальный ответ, что встречи не было. До этого я помнил только, что мне отказали в доступе к материалам.

— То есть сначала вы помнили разговор, а после получения ответа вспомнили фразу?

— Да. Но это не значит, что я придумал её после прочтения документа.

— Мы не утверждаем, что придумали. Нам важно понять последовательность.

Павел посмотрел на неё с тревогой.

— Вы считаете, что мне кажется?

— Я считаю, что пока мы не можем установить, что именно произошло. Ваше воспоминание заслуживает проверки. Но мы не будем объявлять его точным только потому, что оно кажется вам ярким, и не будем объявлять его ложным только потому, что его нельзя подтвердить документами.

Павел медленно кивнул.

— Я бы хотел, чтобы моя сестра тоже пришла.

— Вы можете предложить ей это, — сказал Демьян. — Но мы не станем обращаться к ней без её согласия.

— Она не захочет.

— Тогда будем работать с тем, что есть.

Павел открыл папку и достал несколько писем. Все они были написаны разными людьми, но относились к одному периоду. В одном письме сестра Павла упоминала семейный разговор, после которого перестала бывать в родительском доме. В другом говорилось о том, что она «не хочет снова обсуждать ту ночь». Третье письмо было адресовано самому Павлу. Оно состояло всего из нескольких строк:

«Я знаю, что ты пытаешься разобраться. Но не всё, что ты помнишь, принадлежит только тебе. Пожалуйста, не делай выводов за меня».

Павел положил письмо на стол.

— Я получил его почти через год после того, как, по моим воспоминаниям, был в архиве. Я тогда решил, что сестра просто не хочет говорить о прошлом.

— Вы знаете, что она имела в виду под словами «не всё, что ты помнишь, принадлежит только тебе»? — спросила Мильхара.

— Нет. Я спрашивал, но она не ответила.

— Вы можете предположить?

— Могу. Но я не хочу строить догадки вместо неё.

Мильхара внимательно посмотрела на него. Это был первый раз за время беседы, когда Павел сам обозначил границу, за которую не хотел заходить. Он не пытался использовать

письмо как доказательство собственной версии. Он признавал, что смысл слов сестры ему неизвестен.

— Это правильное решение, — сказала она. — Мы можем проверить происхождение письма и даты. Но не будем утверждать, что знаем, что она имела в виду.

Марфа, до этого молча изучавшая копии, подняла голову.

— Можно я посмотрю на нижний край второго письма?

Павел передал ей лист.

Марфа не стала сразу приближать его к свету. Она сначала проверила бумагу, печать и подпись, затем попросила разрешения сделать копию. Только после этого указала на едва заметную отметку возле регистрационной строки.

— Здесь использовано обозначение, похожее на то, которое мы обнаружили на двух архивных документах.

Павел побледнел.

— Что это значит?

— Пока ничего определённого, — ответил Демьян прежде, чем Марфа успела продолжить. — Мы проверяем, является ли отметка служебной, технической или связанной с конкретной процедурой. Она не доказывает, что к вашей памяти применяли магию.

— Но это возможно?

— Возможно, — сказал Демьян. — Как возможны и другие объяснения. Мы не станем скрывать от вас варианты, но и не будем выдавать их за факты.

Павел долго смотрел на письмо.

— Если кто-то изменил мои воспоминания, я хочу вернуть их.

— Даже если они связаны с воспоминаниями вашей сестры? — спросила Мильхара.

Он поднял глаза.

— Я не хочу причинить ей вред.

— Тогда, прежде чем что-либо предпринимать, нам нужно понять, что именно вы хотите восстановить и какие последствия могут возникнуть. Мы не будем открывать или менять чужие воспоминания ради того, чтобы подтвердить вашу историю.

— Я согласен.

— И мы не можем обещать, что любое воспоминание получится восстановить полностью.

Павел кивнул. На этот раз без прежней тревоги.

Когда беседа закончилась, он оставил копии писем для проверки, сохранив оригиналы у себя. Марфа составила опись переданных материалов. Демьян зарегистрировал каждую копию отдельно, а Мильхара записала, какие сведения Павел помнил до предъявления документов и какие детали оставались неопределёнными.

После его ухода никто не заговорил сразу.

Первой нарушила тишину Марфа.

— Это не похоже на обычное дело о потерянной записи.

— Пока мы не знаем, на что это похоже, — ответил Демьян.

— Я не утверждаю, что знаю. Но отметка на письме…

— Может быть связана с архивной обработкой.

— Да. А может быть связана с процедурой ограничения доступа.

— И пока мы не сравним её с оригинальными реестрами, это только две версии.

Марфа сжала губы, но спорить не стала.

Мильхара снова открыла записи беседы. Она перечитала описание коридора, слова о лестнице, фразу из письма сестры. Её внимание притягивали два места: «коридор казался другим» и «не всё, что ты помнишь, принадлежит только тебе».

Она могла попытаться исследовать воспоминание Павла, найти в нём узлы и посмотреть, куда они ведут. Но даже если бы она увидела необычную связь, это не ответило бы на главный

вопрос. Магическое наблюдение могло показать структуру, но не гарантировало правильного толкования. Она могла увидеть след вмешательства, след естественной ассоциации или связь, смысл которой ещё не понимала.

— Я хочу провести ограниченное наблюдение, — сказала она наконец. — Только если Павел отдельно согласится. Не менять ничего, не открывать связанные воспоминания, не пытаться найти сестру через его память. Только проверить, есть ли в описанном эпизоде признаки направленного ограничения доступа.

— Не сегодня, — сказал Демьян.

Мильхара повернулась к нему.

— Почему?

— Потому что мы только что получили письма, которые ещё не проверили. Потому что Павел сейчас встревожен. И потому что он согласился на проверку документов, а не на магическое исследование.

— Я сказала, что сначала спрошу его.

— Хорошо. Тогда спроси позже, когда мы объясним ему процедуру спокойно и без давления.

Мильхара хотела возразить, но остановилась.

— Ты прав.

Демьян удивлённо приподнял бровь.

— Запишу это в архив.

— Только не ставь техническую отметку.

Марфа неожиданно рассмеялась. Смех вышел коротким и неловким, но на несколько секунд снял напряжение.

Затем она вернулась к письмам.

— Я хочу проверить их происхождение. Если отметка связана с архивной процедурой, мы должны найти её описание. Если нет — тоже нужно понять почему.

— А я продолжу сопоставлять даты и записи, — сказал Демьян. — Но не стану объединять дела до появления основания.

Мильхара закрыла записную книжку.

— Тогда у нас три направления: письма, регистрационные документы и независимые свидетельства.

— И четвёртое, — добавила Марфа. — Проверить, что именно означала отметка в закрытых материалах Совета.

На этот раз Демьян не возразил.

К вечеру они получили первые результаты. Бумага писем соответствовала периоду, в который они, предположительно, были написаны. Подпись сестры Павла визуально совпадала с другими сохранившимися письмами, хотя окончательно подтвердить подлинность по одной копии было невозможно. Регистрационный номер на одном из листов относился к старому отделу архива, но сам документ в доступном реестре не значился.

Отметка оставалась необъяснённой.

Мильхара задержалась у стола, когда остальные начали собираться.

Она пыталась представить две версии истории Павла — не как две картины, из которых нужно выбрать одну, а как два возможных пути.

В первом случае Павел действительно приходил в архив, встретился с неизвестным сотрудником и услышал предупреждение, которое позже вытеснилось или стало недоступным. Тогда официальный ответ мог быть результатом намеренного изменения документов или удаления записи.

Во втором случае он получил письмо, пытался добиться доступа к материалам, а память постепенно соединила разные события в один разговор. Тогда официальный ответ мог быть верным, а отметка на документах — не иметь отношения к его воспоминанию.

Были и другие варианты. Возможно, встреча состоялась, но не в том помещении. Возможно, Павел разговаривал не с сотрудником архива. Возможно, в его памяти сохранились слова из нескольких разных разговоров.

Она не могла выбрать между этими версиями.

И именно это было самым трудным.

Раньше ей казалось, что магия памяти должна давать преимущество: если обычные документы противоречат друг другу, достаточно увидеть скрытые связи. Но теперь Мильхара всё яснее понимала, что связь не всегда объясняет событие. Иногда она только показывает, где нужно искать дальше.

На столе лежало письмо сестры Павла.

Не всё, что ты помнишь, принадлежит только тебе.

Мильхара не знала, было ли это предупреждением, просьбой, признанием или попыткой защитить чужую тайну. Она не собиралась решать за автора письма.

Вместо этого она внесла в список вопросов отдельную строку:

«Установить происхождение фразы. Не интерпретировать без дополнительных свидетельств».

Когда она выключила лампу, отметка на копии письма на мгновение стала почти незаметной.

Три короткие черты внутри незамкнутого прямоугольника.

След, который мог оказаться технической мелочью.

Или частью механизма, созданного для того, чтобы человек помнил достаточно, чтобы сомневаться в себе, но недостаточно, чтобы понять, что с ним произошло.

Мильхара не стала выбирать между этими объяснениями.

Пока у неё не было права ни на одно из них.

Глава 3. Правило трёх подтверждений

Утром Арден собрал их в комнате, которую прежде использовали для разбора архивных споров.

Комната находилась в дальнем крыле здания. Здесь не было окон, зато вдоль одной стены тянулись открытые полки с папками, а посередине стоял длинный стол, на котором можно было разложить документы нескольких дел одновременно. После заключения нового договора помещение переоборудовали: старые замки сняли, вместо них установили прозрачные пломбы, а журнал доступа теперь хранился не у одного ответственного лица, а в двух независимых копиях.

Арден считал это небольшим, но необходимым изменением.

— Прежде чем продолжим расследование, — сказал он, когда все собрались, — мы должны договориться о том, как именно будем проверять свои выводы.

Демьян положил на стол папку с делом Павла. Марфа принесла копии старых регистрационных записей. Мильхара села напротив Ардена, уже догадываясь, к чему он ведёт.

— Мы проверяем документы, — сказала она. — Сравниваем даты, подписи и источники. Если обнаруживаем необычную связь, ищем подтверждение.

— Это общее направление, — ответил Арден. — Я хочу установить правило, которое будет действовать для каждого из нас, независимо от опыта и способностей.

Он взял чистый лист и написал три строки.

Свидетельство. Материальный след. Независимая запись.

— Три подтверждения, — произнёс он. — Не обязательно три документа. Не обязательно три человека. Но три разных основания, которые не сводятся к одному и тому же источнику.

Мильхара прочитала строки.

— Если человек рассказывает о событии, мы можем проверить его рассказ по сохранившейся вещи и по архивной записи?

— Да, если вещь действительно связана с событием, а запись получена независимо. Если же архивная запись была составлена со слов этого же человека, у нас не два подтверждения, а одно, переписанное дважды.

Демьян одобрительно кивнул.

— Именно поэтому я не хочу объединять дела только на основании одинаковой отметки.

Арден посмотрел на него.

— Хорошо. А что делать, если три подтверждения противоречат друг другу?

— Не выбирать то, которое больше нравится, — ответила Мильхара.

— И?

— Установить, что именно подтверждает каждое из них. Возможно, мы ошиблись в вопросе.

Арден слегка улыбнулся.

— Это уже лучше.

Марфа провела пальцем по краю лежавшей перед ней папки.

— А если свидетельство было изменено, материальный след подменён, а архивная запись исправлена? Тогда все три подтверждения могут оказаться частью одной процедуры.

— Могут, — согласился Арден. — Поэтому мы проверяем не только содержание, но и происхождение каждого источника. Три совпадающих утверждения не становятся истиной, если все они восходят к одному человеку, одной инструкции или одной ошибке.

— Получается, нам придётся проверять даже то, что раньше считалось надёжным, — сказала Мильхара.

— Особенно то, что раньше считалось надёжным.

Он положил лист перед ней.

— Это правило касается и твоих наблюдений. Если ты видишь магическую связь, она становится основанием для проверки, но не окончательным доказательством. Ты можешь обнаружить необычную структуру памяти. Можешь заметить, что определённый эпизод связан с другим не так, как ожидается. Но ты не всегда можешь определить, когда возникла эта связь, кто её создал и что она означает.

— Я уже поняла.

— Тогда объясни мне, что именно ты увидела в истории Павла.

Мильхара задумалась.

— Пока я ничего не исследовала магически. Я вижу противоречие между его воспоминанием и официальной записью. Есть письмо с непонятной фразой, есть регистрационный номер, который относится к другому документу, и есть отметка, похожая на обозначения из старых материалов Совета.

— Что из этого доказывает вмешательство в память?

— Ничего по отдельности. И пока всё вместе тоже не доказывает его окончательно.

— Хорошо. Значит, мы продолжаем проверку.

Арден перевёл взгляд на Марфу.

— Что ты можешь подтвердить относительно отметки?

— Я видела похожие обозначения в закрытых материалах Совета. Но не могу утверждать, что конкретно эта отметка имела то же значение. У меня нет полного реестра, а сохранившиеся инструкции неполны.

— Что ты можешь подтвердить относительно процедуры?

Марфа помедлила.

— В Совете существовали способы ограничивать доступ к отдельным фрагментам памяти. Некоторые из них описывались как временные и обратимые. Но это не означает, что каждый человек, чьё воспоминание оказалось недоступным, подвергался именно такой процедуре.

— А что ты пока не можешь подтвердить?

— Кто применял её к Павлу. Применяли ли вообще. И связано ли с этим письмо его сестры.

Арден кивнул.

— Этого достаточно для начала.

Мильхара почувствовала облегчение. Не потому, что неопределённость уменьшилась, а потому, что теперь она перестала казаться препятствием, которое необходимо преодолеть любой ценой. Можно было работать, не притворяясь, будто ответ уже найден.

Арден открыл следующую папку.

— У нас есть ещё один вопрос. В старом журнале обнаружена отметка, которую приняли за признак намеренного изменения записи. Демьян, расскажи, что ты установил.

Демьян разложил несколько листов.

— На полях одного документа есть короткая линия, похожая на техническую пометку. Документ относится к делу о временном ограничении доступа к воспоминаниям. Отметку обнаружили в копии, поступившей из другого хранилища. Я сравнил её с несколькими похожими обозначениями. В одном случае она совпала по форме, но не по расположению. В другом была похожа только при беглом рассмотрении.

— А вывод?

— Пока никакого. Я решил проверить, встречается ли такой знак в обычных регистрационных документах того же периода.

Он подвинул к Ардену отдельный лист.

— И нашёл несколько похожих пометок. Одна относится к повторной переписке, другая — к исправлению повреждённой страницы. Но точного совпадения пока нет.

— Ты уверен, что сравнивал документы одного периода?

— Да. И проверил происхождение каждой копии.

Арден просмотрел листы.

— Продолжай.

Мильхара заметила, что Демьян выглядел довольным. Он не нашёл разгадки, но обнаружил способ исключить часть ошибочных версий. Для него это было почти равноценным результатом.

Для неё — пока нет.

Ей хотелось двигаться дальше, перейти от знаков на бумаге к людям, от людей — к событиям, а от событий — к тому, кто мог продолжать использовать старые методы Совета.

Арден словно прочитал её мысли.

— Мильхара, сегодня ты займёшься одним из старых дел, не связанным с Павлом. Твоя задача — проверить, можешь ли ты отличить необычную магическую связь от обычного архивного противоречия.

— Почему именно я?

— Потому что ты быстрее других замечаешь то, что кажется несогласованным. Теперь тебе нужно научиться определять, когда несогласованность действительно имеет значение.

Он передал ей тонкую папку.

На обложке значилось: «Дело 184. Переписка о передаче имущества».

Мильхара открыла её.

Внутри находились копия письма, запись из реестра и короткое свидетельство архивного служащего. В письме утверждалось, что определённый документ был передан на хранение в конце осени. В реестре стояла дата начала зимы. В свидетельстве говорилось, что передача состоялась после первой оттепели.

— Это не может быть одним и тем же днём, — заметила Мильхара.

— Верно.

— Значит, кто-то ошибся.

— Возможно.

Она изучила документы внимательнее. В письме дата была написана от руки, в реестре её перенесли в отдельную графу, а свидетельство составили спустя несколько лет после события.

— Я хочу проверить магическую связь между письмом и записью.

— Сначала скажи, что ты ожидаешь обнаружить.

— Если дата была изменена намеренно, возможно, связь между документами окажется нарушена.

— А если дата была изменена случайно?

— Тогда…

Мильхара остановилась.

— Тогда связь тоже может выглядеть необычно, если я заранее ожидаю вмешательства.

— Именно.

Она закрыла папку.

— Значит, сначала нужно проверить календарные обозначения и способ датировки.

— И происхождение документов.

Мильхара взяла листы и отправилась к архивному столу. Там она обнаружила, что письмо действительно было написано в конце осени, но в нём говорилось не о самой передаче имущества, а о намерении передать его после завершения проверки. Реестр фиксировал фактическую передачу в начале зимы. А свидетель, составлявший показания спустя годы, описывал день, когда имущество доставили в хранилище после первой оттепели.

Три документа не противоречили друг другу.

Они описывали три разных этапа одного события.

Мильхара перечитала их ещё раз, затем посмотрела на часы. Она потратила почти два часа на дело, в котором не было ни вмешательства в память, ни поддельной записи, ни скрытой процедуры.

И всё же именно этот случай оказался полезным.

Она вернулась к Ардену.

— Я нашла объяснение.

— Какое?

— Письмо фиксировало намерение. Реестр — фактическую передачу. Свидетельство — доставку имущества в помещение. Разные даты относятся к разным событиям.

— А магия?

— Не потребовалась.

— Хорошо.

Мильхара положила папку на стол.

— Ты мог сказать мне сразу, что это обычная ошибка.

— Тогда ты запомнила бы мой ответ. А теперь ты знаешь, как сама его проверить.

Она хотела возразить, но не нашла подходящих слов.

— Я потратила два часа.

— Ты исключила одну ложную версию. Если расследование связано с чужой памятью, это не пустая трата времени.

— Иногда мне кажется, что мы будем проверять всё до конца жизни.

— Возможно, — сказал Арден. — Но есть разница между бесконечной проверкой и проверкой, которая не позволяет нам причинить вред невиновному.

Мильхара опустила взгляд на папку.

— Я понимаю.

— Нет, — мягко ответил Арден. — Ты начинаешь понимать. Это не одно и то же.

Он не пытался обидеть её. От этого замечание было труднее принять.

В течение следующего часа они проверили ещё два документа. В одном расхождение объяснялось тем, что переписчик использовал старую форму календарного обозначения. В другом ошибка возникла из-за того, что в реестре перепутали две одинаковые фамилии. Оба случая когда-то вызвали подозрения, но ни один не имел отношения к магическому вмешательству.

К концу дня Мильхара уже не пыталась искать скрытый смысл в каждой неточности. Она сравнивала документы, задавала вопросы и записывала, какие объяснения были подтверждены, а какие оставались предположениями.

Однако последнее дело оказалось сложнее.

В нём фигурировал архивный служащий, которого несколько лет назад заподозрили в намеренном изменении регистрационной записи. В результате проверки его отстранили от работы, хотя прямых доказательств не сохранилось. После падения Совета запись о проверке включили в перечень дел, требующих пересмотра.

На полях документа стояла отметка, отдалённо напоминавшая тот самый незамкнутый прямоугольник с тремя чертами.

Мильхара почувствовала знакомый прилив напряжения.

— Вот, — сказала она. — Здесь отметка.

Арден подошёл к столу.

— Что ты знаешь об этом деле?

— Только то, что служащего обвинили в изменении записи.

— А что ты знаешь об отметке?

— Она похожа на ту, которую мы обнаружили вчера.

— Похожа. Что ещё?

Мильхара внимательно осмотрела страницу.

Внизу стояла подпись проверяющего. Рядом были указаны дата и номер приложения. Она сверила номер с перечнем документов, а затем нашла приложение в той же папке. На его последней странице была запись о повторном копировании повреждённого листа.

— Подожди, — произнесла она.

Она положила приложение рядом с основной записью.

На копии отметка выглядела почти так же, но при увеличении становилось заметно, что третья черта не входила в прямоугольник, а пересекала его край. В основном документе линия была продолжением дефекта бумаги. На приложении тот же дефект повторился после копирования.

— Это не обязательно одна и та же отметка, — сказала Мильхара. — Возможно, это повреждение оригинала, которое перенесли на копию.

Арден ничего не ответил.

Она продолжила проверку. В журнале реставрации нашлась запись о том, что лист был повреждён возле нижнего поля. Позднее его копировали несколько раз, чтобы сохранить читаемость текста. Именно на этом этапе дефект стал выглядеть как отдельное обозначение.

Мильхара медленно выдохнула.

— Значит, обвинение могло быть основано на ошибке.

— Могло, — сказал Арден. — Но мы пока не знаем, какие ещё основания были у проверяющих.

— Мы должны пересмотреть дело.

— Да. Но не объявлять служащего невиновным только потому, что один из признаков оказался ошибочным. Мы должны проверить все материалы, которые сохранились.

— Если других доказательств нет?

— Тогда это тоже будет результатом проверки.

Мильхара посмотрела на имя служащего. В старом документе оно было перечёркнуто, а рядом стояла короткая запись: «Доступ прекращён до окончательного выяснения обстоятельств».

Окончательного выяснения так и не произошло.

— Он потерял работу из-за этого? — спросила она.

— По имеющимся материалам, да.

— И всё это время его считали виновным?

— Мы не знаем, что думали все, кто был знаком с делом. Но официальное ограничение доступа осталось в записи.

Мильхара почувствовала неприятное давление в груди. Они искали людей, которые могли продолжать вмешиваться в память, но при этом сами работали среди последствий прежней системы. Иногда достаточно было одной ошибки, чтобы подозрение стало фактом, а временное ограничение превратилось в окончательное решение.

— Мы должны сообщить о найденном дефекте, — сказала она.

— Обязательно.

— И отдельно указать, что это не доказывает его невиновность.

Арден кивнул.

— Ты уже понимаешь, как формулировать выводы.

Вечером они подготовили запрос на пересмотр дела. В документе не было громких обвинений и обещаний восстановить справедливость за один день. Там указывалось, что один из признаков, использованных при первоначальной проверке, может объясняться физическим повреждением оригинала и последующим копированием. Требовалось установить, какие другие доказательства сохранились и насколько обоснованным было решение об ограничении доступа.

Когда Мильхара поставила подпись под запросом, она задержала перо над бумагой.

— Знаешь, что меня больше всего пугает? — спросила она.

Арден посмотрел на неё.

— Что?

— Не то, что кто-то может изменить память. А то, что человек может принять ошибку за правду, а потом строить на ней решения, которые повлияют на чужую жизнь.

— Это действительно опасно.

— И ведь никто не обязательно должен быть злодеем. Иногда достаточно, чтобы все слишком торопились.

— Именно поэтому у нас есть правило трёх подтверждений.

Мильхара закончила подпись.

— Свидетельство. Материальный след. Независимая запись.

— И проверка происхождения каждого из них, — добавил Арден.

Она посмотрела на папку Павла, лежавшую на соседнем столе.

— Тогда нам нужно применить это правило и к его делу. Не только к документам, но и к каждой версии того, что могло произойти.

— Да.

— Даже если это займёт месяцы?

— Даже если займёт годы.

Мильхара не улыбнулась. Она наконец поняла, что медленный темп расследования не всегда означает отсутствие движения. Иногда он означает, что они не позволили себе повторить старую ошибку.

Перед уходом она вернулась к столу и добавила в папку Павла новую карточку:

«Каждую версию проверять отдельно. Сходство отметок не доказывает тождество процедур. Отсутствие записи не доказывает отсутствия события. Магическое наблюдение не заменяет независимого подтверждения».

Под карточкой она поставила дату.

На этот раз ей не казалось, что она записывает очевидные правила. Она знала, сколько времени и усилий потребовалось, чтобы применить их на практике.

И знала, что впереди будут случаи, в которых ни один документ не даст простого ответа.

Но теперь у них был способ не позволить собственным ожиданиям стать ещё одним инструментом прежней системы.

Практика 2.1.3 --- Три независимых подтверждения

Выберите нейтральное утверждение, которое можно проверить, и найдите три источника, не копирующих друг друга.

Запишите, что каждый подтверждает, где сведения расходятся и чего источники не доказывают. Если подтверждение одно и то же просто перепечатано на нескольких сайтах, считайте его одной цепочкой, а не независимыми свидетельствами.

Практика защищает от соблазна принять удобную версию за установленный факт.

Глава 4. Закрытая комната

План старого архивного крыла нашли на третий день после того, как Марфа отправила запрос.

Он хранился не среди чертежей здания, а в папке с документами о передаче помещений. Бумага была плотной, края потемнели, а часть подписей выцвела настолько, что разобрать их можно было только при ярком боковом освещении. На плане были обозначены основные комнаты, лестницы, технические проходы и несколько помещений, назначение которых указывалось одним словом: «служебное».

Марфа разложила план на большом столе.

— Вот старое хранилище, — сказала она, показывая на прямоугольник у северной стены. — Здесь находились дела, которые проходили дополнительную проверку. А это помещение не указано ни в одном из доступных нам реестров.

Мильхара наклонилась ближе.

За двумя рядами шкафов на плане была обозначена узкая комната без окон. Вход в неё располагался со стороны коридора, который после реконструкции частично перекрыли. Рядом стояла пометка: «Доступ по отдельному разрешению».

— Почему её нет в новом договоре? — спросил Демьян.

— Потому что мы не знали о её существовании, — ответила Марфа. — Или не знали, что она сохранилась.

— Ты была в этом крыле во время службы Совету?

— Да.

— И не знала о комнате?

Марфа посмотрела на него.

— Я знала, что в этом секторе были закрытые помещения. Но мне не показывали полный план. Я работала с документами, которые передавали на проверку, и не имела доступа ко всем хранилищам.

— А о временном хранении воспоминаний ты знала?

Она не ответила сразу.

Мильхара заметила, как изменилось её лицо. Марфа больше не пыталась найти формулировку, которая позволила бы обойти вопрос. Она словно решала, сколько правды готова произнести вслух.

— Да, — сказала она наконец. — Я знала, что такие процедуры существовали. И знала, что для некоторых из них использовали отдельные помещения.

Демьян медленно выпрямился.

— Ты знала об этом и не сказала нам?

— Когда мы начали расследование, я не знала, что эта комната сохранилась. Но я должна была рассказать вам о самих помещениях раньше.

— Почему не рассказала?

— Потому что не была уверена, какие сведения подтверждены. И потому что часть этих процедур я считала допустимыми в тех случаях, когда человек соглашался на временное хранение отдельных воспоминаний.

— А ты знала, возвращали ли их владельцам?

Марфа отвела взгляд к плану.

— Не всегда.

Тишина стала тяжёлой.

Демьян не повысил голоса. Это было хуже, чем если бы он начал кричать.

— Что значит «не всегда»?

— Иногда процедура завершалась, но запись о возвращении не попадала в основной реестр. Иногда человек отзывал согласие, и материалы оставляли в закрытом хранилище до повторной проверки. Иногда документы были неполными. Я знала, что такие случаи существуют, но не знала их количества.

— Ты подписывала эти документы?

— Некоторые из них. Я подтверждала передачу материалов и проверяла комплектность записей.

— Ты проверяла, вернули ли воспоминания?

Марфа закрыла глаза на мгновение.

— Не всегда.

Демьян отошёл от стола и прошёл к двери. Он остановился там, не выходя из комнаты.

— Каждый раз, когда мы находим ещё одну часть старой системы, оказывается, что ты знала о ней больше, чем говорила.

— Я понимаю.

— Нет. Я не уверен, что ты понимаешь.

Мильхара хотела вмешаться, но Арден, стоявший у стены, едва заметно покачал головой. Сейчас Марфе не требовалось, чтобы кто-то смягчал её признание. Демьян имел право задать вопрос, а Марфа должна была ответить.

— Я не прошу тебя доверять мне, — сказала она. — И не прошу считать, что я поступала правильно. Я могу передать всё, что сохранилось у меня, и помочь восстановить порядок процедур. Но я не стану утверждать, что не знала о проблеме.

Демьян долго молчал.

— Тогда ты будешь работать с нами только при условии, что все твои сведения проверяются независимо.

— Согласна.

— И, если мы обнаружим документы, которые показывают твоё участие, они не исчезнут из дела только потому, что ты помогла их найти.

— Согласна.

— Ты понимаешь, что это может иметь последствия для тебя?

— Да.

Демьян вернулся к столу.

— Хорошо. Тогда сначала выясним, что находится в комнате.

Арден посмотрел на план.

— Не пойдём туда без проверки безопасности. Если помещение было закрытым, неизвестно, в каком состоянии оно сохранилось и какие процедуры могли там проводиться.

— Мы можем начать с технического осмотра, — предложила Мильхара. — Без магического исследования и без прикосновения к материалам, пока не поймём, что именно перед нами.

— Именно так, — сказал Арден.

Они составили список необходимого: план проходов, сведения о вентиляции, журнал передачи ключей, документы о последнем использовании помещения и перечень материалов, которые могли там храниться. Марфа указала, где в старых журналах могли находиться записи о закрытии сектора. Демьян отдельно записал, какие сведения исходили от неё и какие требовали подтверждения из независимого источника.

Работа заняла почти весь день.

В журнале передачи помещений обнаружилась короткая запись, сделанная много лет назад: «Сектор закрыт до завершения возврата материалов». Ниже стояла подпись, но фамилия была частично повреждена. Даты окончания работ не было.

— Значит, помещение закрыли не просто из-за ремонта, — сказала Мильхара.

— Возможно, — ответил Демьян. — Формулировка говорит о материалах, но не указывает, каких именно.

— И не доказывает, что там хранили воспоминания, — добавил Арден.

Мильхара посмотрела на него.

— Я уже не собиралась делать такой вывод.

— Хорошо.

На следующий день они вошли в старое крыло.

Коридор оказался уже, чем на плане. Стены были покрыты потемневшей краской, а в местах, где раньше висели таблички, остались прямоугольные пятна. Из потолка выступали старые металлические крепления. В глубине коридора стояла временная перегородка, установленная после падения Совета.

За ней находилась дверь без номера.

Замок был старым, но не запертым. На ручке сохранилась прозрачная пломба, поставленная недавно независимой архивной группой. Она была целой.

Демьян проверил номер пломбы по журналу. Арден сверил его с копией, хранившейся в другом помещении. Только после этого они сняли пломбу и открыли дверь.

Из комнаты пахнуло холодной пылью и сухой бумагой.

Помещение оказалось небольшим. Вдоль стен стояли металлические шкафы, в центре — стол с потемневшей столешницей. На дальней стене висела доска, на которой сохранились следы от креплений. Ни окон, ни наружной двери не было. Единственный выход вёл обратно в коридор.

Мильхара задержалась на пороге.

Она ожидала увидеть что-то необычное: следы сложной магии, особые символы, предметы, которые сразу объяснили бы назначение комнаты. Вместо этого перед ней было обычное служебное помещение. Именно эта обыденность делала его неприятным.

— Сначала осмотр, — напомнил Арден. — Ничего не трогаем без регистрации.

Они вошли.

Демьян фотографировал расположение шкафов и столов, отмечая расстояния между предметами. Марфа сверяла номера на дверцах с сохранившимися записями. Мильхара записывала все видимые обозначения, не пытаясь воспринимать их магически.

В первом шкафу лежали пустые папки. Во втором — старые бланки согласия на временное хранение воспоминаний. В третьем обнаружились журналы, обёрнутые плотной тканью.

На обложке первого журнала было написано:

«Временное хранение. Реестр поступления».

На втором:

«Контроль доступа. Отдельные фрагменты».

Третий не имел названия. На его корешке стоял только номер.

Марфа побледнела.

— Я видела такие бланки, — сказала она. — Но эти журналы мне не передавали.

— Откуда ты знаешь? — спросил Демьян.

— По форме регистрации. Документы, с которыми я работала, имели другие номера и проходили через основной отдел. Здесь использовалась отдельная система учёта.

— Ты можешь определить, кто отвечал за этот сектор?

— Не по этим страницам. Возможно, в журнале передачи ключей есть имя ответственного.

Демьян записал её ответ и продолжил осмотр.

Журналы не открывали сразу. Сначала зафиксировали их положение, состояние обложек и номера шкафов. Затем каждый предмет перенесли на подготовленный стол и проверили, не повреждены ли страницы. Только после этого Арден разрешил начать изучение записей.

Первый журнал содержал даты поступления материалов, номера дел и краткие описания. Вместо имён часто использовались регистрационные коды. В графе «Основание» встречались формулировки «временное ограничение доступа», «сохранение целостности воспоминания» и «ожидание завершения проверки».

В графе «Возврат владельцу» многие строки оставались пустыми.

Мильхара перечитала одну из записей.

— Здесь указано, что фрагмент памяти принят на хранение на срок до тридцати дней.

Она перевернула страницу.

— А вот отметка о продлении ещё на тридцать дней. Потом ещё одна. И после этого ничего.

— Сколько таких записей? — спросил Демьян.

— Пока не знаю.

Он сел рядом и начал считать строки. Марфа просматривала другой журнал, сопоставляя номера дел.

Через час стало ясно, что речь идёт не об одном или двух случаях. В реестре было несколько десятков записей, где срок временного хранения продлевали неоднократно, а сведения о возвращении материалов отсутствовали.

Однако отсутствие отметки не означало, что воспоминания не вернули. Возможно, запись сохранилась в другом журнале. Возможно, процедуру отменили. Возможно, материалы перенесли в другое хранилище.

— Нам нужен полный перечень, — сказал Демьян. — И нужно выяснить, существовал ли отдельный реестр завершённых процедур.

Марфа перевернула очередную страницу и остановилась.

— Здесь есть ссылка на другой журнал.

Она показала строку с номером и короткой пометкой: «См. реестр окончательного доступа».

— Где он? — спросила Мильхара.

Марфа проверила соседние записи.

— Не знаю. В этом шкафу его нет.

— В описи он указан? — спросил Демьян.

Они нашли опись в последнем ящике. В ней значились четыре журнала, но в комнате обнаружили только три.

Четвёртый назывался «Реестр завершения и возврата».

Напротив его номера стояла отметка о передаче в другое хранилище. Дата была указана, подпись — нет.

— Значит, журнал могли перенести, — сказал Демьян.

— Или запись о передаче внесли без подтверждения, — ответила Мильхара.

Арден закрыл опись.

— Мы не будем делать вывод, пока не найдём подтверждение. Сейчас известно следующее: в комнате хранились записи о временном помещении отдельных фрагментов памяти; сроки в ряде случаев продлевались; в доступных нам журналах отсутствуют отметки о возврате по многим делам; существовал отдельный реестр завершения и возврата, местонахождение которого пока неизвестно.

— И помещение не было включено в новый договор, — добавила Мильхара.

— Потому что о нём не знали, — сказал Демьян. — Или не включили намеренно. Пока обе версии открыты.

Мильхара посмотрела на Марфу.

— Ты знала, что такие комнаты существовали. Но знала ли ты, что воспоминания могли оставаться здесь годами?

Марфа медленно покачала головой.

— Нет. Я знала, что сроки иногда продлевали. Но не знала, что в этом помещении сохранились журналы с такими записями. И не знала, что часть дел могла не иметь отметки о завершении.

— Ты могла спросить, что происходило с материалами после продления срока.

— Да.

Она не стала оправдываться.

— Я могла потребовать подтверждения возврата. Могла настаивать на сверке с отдельным реестром. Я этого не сделала во всех случаях, где должна была сделать.

Демьян закрыл свою записную книжку.

— Тогда это тоже должно быть отражено в материалах расследования.

— Я согласна.

Мильхара отвернулась к шкафам. Она чувствовала злость — на Совет, на систему, на тех, кто создал процедуры без достаточного контроля. Но сильнее всего её раздражало, что теперь она видела последствия в виде пустых строк и отсутствующих подписей. Не было ни громких признаний, ни ясного злодейского замысла. Только люди, чьи воспоминания могли оставаться недоступными, и документы, в которых никто не счёл нужным поставить последнюю отметку.

— Что будет с этими делами? — спросила она.

— Сначала установим, какие материалы сохранились, — ответил Арден. — Затем проверим, кому они принадлежат и какие решения принимались. Нельзя просто открыть все записи и начать возвращать всё подряд. Некоторые воспоминания могли быть связаны с другими, а часть процедур могла иметь последствия, о которых мы пока не знаем.

— Но и оставлять их здесь нельзя.

— Не оставим. Комната будет зарегистрирована, а материалы перенесём под независимый контроль. Каждый случай потребует отдельного решения.

Демьян посмотрел на список.

— Я начну с поиска реестра возврата. Проверю все хранилища, куда могли передать документы с таким номером.

— Я помогу восстановить систему обозначений, — сказала Марфа. — Но все мои расшифровки нужно будет проверять отдельно.

— Так и сделаем.

Мильхара ещё раз посмотрела на пустые строки в журнале.

Ей хотелось прикоснуться к ним магически, почувствовать, что скрывается за каждой записью, найти тех, чьи воспоминания остались в чужих руках. Но она не знала, чьи это были воспоминания, что именно в них хранилось и давали ли люди согласие на процедуру, которую им провели.

Она не имела права превращать их в средство для собственного расследования.

— Мы должны найти владельцев этих дел, — сказала она. — И дать им возможность самим решить, хотят ли они знать, что произошло.

Арден посмотрел на неё с одобрением.

— Именно.

Перед уходом они запечатали помещение и составили акт обнаружения. В нём перечислили все найденные журналы, отдельно указали отсутствующий реестр и записали, что никаких магических процедур в комнате не проводилось. Каждая копия акта была передана на хранение в независимые подразделения.

Когда дверь закрылась, Мильхара остановилась в коридоре.

— Я всё ещё думаю о Павле, — сказала она. — Если его дело связано с этой комнатой, он мог годами пытаться восстановить разговор, который кто-то сделал недоступным.

— Возможно, — ответил Демьян. — Но мы не знаем, связано ли его дело с этим помещением.

— Я знаю.

— Тогда не соединяй их раньше времени.

Мильхара посмотрела на него.

— Ты мог бы хоть иногда не оказываться прав.

— Я стараюсь. Пока безуспешно.

Она невольно улыбнулась.

Затем они направились к выходу. Впереди было много работы: найти отсутствующий реестр, восстановить систему учёта, установить владельцев дел и выяснить, почему некоторые записи так и не получили отметку о завершении.

Но теперь у расследования появилась новая точка опоры.

Не доказательство того, что Совет продолжал действовать.

Не доказательство того, что каждое исчезнувшее воспоминание было похищено.

А свидетельство того, что прежняя система оставила после себя незакрытые процедуры — и что никто не проверил, чем они закончились.

Впервые Мильхара поняла, что падение Совета могло остановить власть его руководителей, но не завершило работу, которую они начали.

И пока хотя бы одна запись оставалась без ответа, прошлое продолжало вмешиваться в настоящее.

Глава 5. Первый урок контроля

Арден назначил занятие на утро следующего дня.

Мильхара пришла раньше него и обнаружила на столе три предмета: небольшое зеркало в деревянной оправе, гладкий камень с белой прожилкой и узкую полоску бумаги, на которой было написано одно слово — «ключ».

Рядом лежала чистая тетрадь.

Она осмотрела предметы, затем заглянула в тетрадь. На первой странице Арден оставил короткую запись:

«Цель занятия — не найти больше. Цель занятия — затронуть только то, что намереваешься затронуть».

Мильхара перечитала фразу дважды.

— Очень обнадёживающее начало, — пробормотала она. — Особенно после комнаты с невозвращёнными воспоминаниями.

— Ты предпочла бы начать с чего-нибудь более опасного?

Арден стоял в дверях. Она не услышала, как он подошёл.

— Я предпочла бы начать с чего-нибудь, что даст ощутимый результат.

— Тогда ты пришла не туда.

Он снял с соседнего стула папку и положил её на подоконник. Затем придвинул к столу второй стул.

— Садись.

Мильхара села.

— Сегодня мы не будем исследовать Павла, его сестру или материалы из закрытой комнаты, — продолжил Арден. — Твоя задача — научиться работать с условной структурой, созданной для тренировки. Здесь нет чужих воспоминаний, нет неизвестных обстоятельств и нет необходимости принимать решения за другого человека.

— То есть всё будет проще.

— Нет. Здесь ты не сможешь оправдать ошибку тем, что случай оказался сложным.

Он поставил перед ней камень.

— Сначала расскажи, что ты знаешь о связях памяти.

Мильхара задумалась.

— Воспоминание не существует отдельно от всего остального. Оно связано с обстоятельствами, ощущениями, людьми, местами и другими событиями. Иногда связь прямая, иногда возникает через ассоциации. Если воздействовать на одну часть, можно затронуть соседние.

— Хорошо. А что ты знаешь о себе?

— Что могу замечать некоторые связи, которые другие не видят.

— Это не ответ.

Она нахмурилась.

— Я могу замечать их, но не всегда правильно понимаю. Иногда принимаю интенсивность ощущения за важность связи. Иногда думаю, что если два воспоминания расположены близко, то одно обязательно объясняет другое.

— Продолжай.

— И, если очень хочу найти ответ, могу начать искать подтверждения именно той версии, которую считаю вероятной.

Арден кивнул.

— Вот с этим мы и будем работать.

Он объяснил, что в тренировочной практике они используют условную модель: один узел, одна выбранная связь и несколько соседних элементов, которые нельзя затрагивать. Задача Мильхары заключалась не в том, чтобы разорвать связь или изменить её содержание, а в том, чтобы удержать внимание на одном определённом участке, не распространяя воздействие дальше.

— Представь, что перед тобой не запертая дверь, — сказал Арден. — Представь, что перед тобой целый дом. Ты знаешь, в какой комнате хочешь оказаться. Но если начнёшь дёргать все ручки подряд, то не станешь ближе к цели. Ты просто создашь беспорядок.

— А если нужная дверь находится за несколькими другими?

— Тогда сначала выяснишь, где ты находишься. Не будешь ломать стены.

Мильхара посмотрела на камень.

— И что мне делать?

— Для начала ничего не делать.

Она выразительно подняла брови.

— Это часть упражнения?

— Самая трудная.

Арден попросил её закрыть глаза и сосредоточиться на ощущении камня в ладони. Не искать скрытых связей, не пытаться определить его историю, не воображать, кто держал его раньше. Только почувствовать вес, температуру, шероховатость поверхности.

Мильхара выполнила указание.

Поначалу всё было просто. Камень лежал в ладони, прохладный и тяжёлый. Под пальцами ощущалась белая прожилка, чуть выступавшая над поверхностью. За окном кто-то передвигал ящик. В коридоре раздались шаги.

Потом внимание само собой перескочило на другие ощущения. Она вспомнила стол в закрытой комнате, пустые строки в журнале, лицо Марфы, когда та призналась, что знала о временном хранении воспоминаний.

Мильхара попыталась вернуть внимание к камню.

— Не борись с мыслью, — произнёс Арден. — Заметь её и вернись к тому, что выбрала.

Она снова почувствовала камень.

Через некоторое время Арден попросил её открыть глаза.

— Что ты заметила?

— Что внимание постоянно уходит.

— Это нормально. Что ты сделала, когда оно ушло?

— Попыталась его вернуть.

— И?

— Иногда возвращала, иногда начинала раздражаться.

— Раздражение тоже становится частью упражнения, если ты начинаешь следовать за ним.

Мильхара положила камень на стол.

— Ты хочешь, чтобы я научилась управлять вниманием прежде, чем начну работать с памятью.

— Да. Потому что твоя способность замечать связи не означает, что ты умеешь ограничивать воздействие. Это разные навыки.

Арден убрал камень и положил перед ней лист бумаги.

— Теперь представь условную структуру. На листе нарисованы пять кругов. Центральный — выбранный узел. Остальные — соседние связи. Тебе нужно определить центральный, не приписывая ему смысл, которого ты не можешь подтвердить.

Мильхара посмотрела на рисунок.

Круги были соединены тонкими линиями. Один из них находился в центре, остальные располагались вокруг него. Схема казалась простой.

— Я должна выбрать центральный узел?

— Нет. Я уже указал его.

Он коснулся карандашом маленькой точки внутри центрального круга.

— Твоя задача — удерживать внимание на этой точке и не распространять его на остальные линии.

Мильхара закрыла глаза.

На этот раз она не пыталась представить себе целый дом или сложную систему комнат. Она удерживала в уме только одну точку и направление одной линии. Сначала всё шло хорошо. Затем внимание зацепилось за линию справа, и ей показалось, что она заметила в ней дополнительное ответвление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.